

4. См.: *Pareto V. Traité de sociologie*. Paris, 1919, – где можно найти подробное обсуждение трех элементов: *résidues, dérivations и dérivées*.

5. См.: *Thurstone L.L. Attitudes Can Be Measured // American Journal of Sociology*. Vol. 33. January, 1928. P. 529-554.

6. См.: *Williams J.M. Foundations of Social Science*. N.Y., 1920. Ch. XIV.

7. New Republic. November, 1927.

Пер. с англ. В.Г. Николаева

МЕЛВИЛЛ ДЖИН ХЕРСКОВИЦ

СОЦИАЛЬНЫЙ ПАТТЕРН: МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ*

В этой ранней статье М.Дж. Херсковиц выдвигает утверждение, что социология должна отказаться от прежних априорных теорий и принять исторический метод, получивший развитие в антропологии. Это делает предметом социологии культуру и требует изучения социальных феноменов в контексте их исторического бэкграунда и сложившихся в данной культуре паттернов. Применение понятия социального паттерна к конкретным феноменам иллюстрируется на примере исследования занятости мужей и жен в негритянском сообществе Нью-Йорка.

In this earlier article M.J. Herskovits advances a statement that sociology must get rid of its former a priori theories and accept a historical method as it has been developed in anthropology. This makes culture the subject for the research of the sociologists and requires studying social phenomena in the context of their historical background and established patterns of a given culture. The application of the notion of social pattern to particular phenomena is illustrated by author's investigation of occupational activities of husbands and wives in the Negro community of New York.

Ключевые слова: *социальный (или культурный) паттерн, социология, исторический метод, культура, аккультурация.*

Keywords: *social (cultural) pattern, sociology, historical method, culture, acculturation.*

С тех пор как социология получила признание как предмет, достойный изучения, теорий, объясняющих социальное поведение людей, у нас всегда было хоть отбавляй. Тем, что, по меркам истории науки, она стала таковым сравнительно недав-

Николаев Владимир Геннадьевич – кандидат социологических наук, доцент социологического факультета Государственного университета «Высшая школа экономики» (Москва). Наш постоянный автор и переводчик. E-mail: vniki1968@yandex.ru.

* Перевод сделан по источнику: *Herskovits M.J. Social Pattern: A Methodological Study // Social Forces*. 1925. Vol. 4. N 1. P. 57-69.

но, наверное, и можно объяснить то, что большую часть социологической литературы лучше было бы отнести к области философии и метафизики, а не к области науки. Именно реакция на этот факт, подспудно ощущаемый многими, кто работает в области социологии, породила массу устных докладов и публикаций, посвященных тому, можно ли социологию назвать наукой и если да, то каким могло бы быть ее место. Они могут быть расценены как направление более или менее неорганизованных умственных усилий на область, в которой царил хаос, и можно утверждать, что главная ценность таких дискуссий состояла в том, что они заставили социологов задуматься о том, что неправильно в их подходе к теме социальных действий людей.

В последние несколько лет появилась группа мыслителей, которые резко отвернулись от метода социологии, применявшегося на протяжении значительной части жизни этой дисциплины и состоявшего в пространных рационализациях по поводу мотивов, производящих или не производящих те или иные социальные феномены или, о чем чаще шла речь, целые общества. Заметим, что этот метод не создал недостатка в причинных объяснениях социальных феноменов. Каждому из этих объяснений свойственно, однако, превозносить какую-то одну главную пружину, приводящую общество в движение, и не обращать внимания на все другие силы, которые могут быть к этому причастны. Так, причина могла устанавливаться как исключительно экономическая, выводиться предположительно из конфликта, из собрания одинаково мыслящих индивидов, из каких-то постулируемых врожденных биологических склонностей, а иногда могла преподноситься и как сугубо социологическая. И ведь правдоподобность этих теорий весьма велика: никто не стал бы, разумеется, отрицать, что все упомянутые выше силы в какой-то степени действуют. Основная проблема со всеми этими несовместимыми объяснениями состоит, видимо, в том, что все они настаивают на том, что взаимно друг друга исключают.

Стимул к образованию новой точки зрения, принятой теми, кто не был согласен с прежними теориями, исходил в основном от исследователей, изучавших общества, отличные от нашего, т.е. от антропологов (см. прим. 1). Они признали, что человеку, родившемуся в обществе с его фиксированными способами поведения, трудно, а то и почти невозможно установить принцип, который охватил бы собою все общества. Ведь самым заметным аспектом примитивных групп для исследователя, изучающего их вплотную и без теории, принятой *a priori*, является их вопиющее несходство. Какой бы руководящий принцип вы ни сформулировали, всегда найдется даже не одно, а целый десяток процветающих сообществ, которые не будут укладываться в вашу схему. И так постепенно становилось ясно, особенно из исследований американских антропологов, что единственным методом, с помощью которого можно понять поведение социальной группы, является понимание его исходя из его исторического бэкграунда. Теории врожденных сходств или биологических различий, принципов раздора или любви — все оказались истинными, но лишь в какой-то степени. «Вариации в культурном развитии можно в равной степени объяснить, рассматривая общий ход исторических событий и не обращаясь к теории существенных различий в умственных способностях разных рас», — отмечает профессор Боас (см. прим. 2). Д-р Уисслер после увлекательного обсуждения тех аспектов нашей цивилизации, которые поразили бы прибывшего к нам в гости эскимоса, говорит: «Одна из величайших выгод, которые можно извлечь из изучения разных народов, — это обретение перспективы... в которой мы начинаем видеть собствен-

ную культуру со стороны. Объекты и сцены нашей повседневной жизни выглядят естественными и логичными лишь потому, что мы видели мало чего другого; как только нам удастся разрушить эту монотонность долгим и внимательным взглядом на другое жизнеустройство, даже самое родное начинает казаться нам странным и смешным» (см. прим. 3).

Таким образом, ключ к поведению социальных групп кроется не в том, чтобы подогнать данные к одной из уже установленных теорий, более всего соответствующей темпераменту исследователя, а в доскональном изучении исторического бэкграунда общества или того социального явления, которому исследователь хочет посвятить свое внимание. «Каждая культурная группа имеет свою уникальную историю, зависящую отчасти от своеобразного внутреннего развития социальной группы, а отчасти от внешнего влияния, которому она подвергалась» (см. прим. 4). Социологи в какой-то степени начали сознавать важность более широкого взгляда в изучении культурных феноменов, нежели ограничивающегося нашей культурой, и необходимость использования исторического метода. «При изучении общества особенно плодотворен исторический метод; он ценен также и для анализа социальных феноменов, когда мы пытаемся установить культурные, психологические, биологические и климатические факторы... Исторический метод, если до крайности его упростить, означает сбор культурных фактов» (см. прим. 5). Либо для иллюстрации того, как отсутствие перспективы может усложнить рассмотрение определенной проблемы, нам, например, говорят: «В западном мире демократия была настолько широко принята и настолько укоренилась в нравах, что ясный, беспристрастный ее анализ затруднителен. Понятие это окутано мантией эмоций, скрывающей ее подлинные черты» (см. прим. 6).

Социальные психологи тоже начали сознавать важность исторического бэкграунда культуры для изучения механизмов, делающих людей социально мыслящими, и в нескольких недавних работах мы находим твердую позицию в пользу исторической точки зрения. Олпорт посвящает большой параграф социальному характеру индивидуального мышления, говорит о том, как сами основания мышления индивида, понятия, «или символические реакции... развились посредством языка и, следовательно, имеют социальное происхождение... Также и в более широких аспектах мышления мы находим неотделимую от них социальную значимость. Чтобы понять этот вопрос во всей его значительности, мы должны изучить историю общественных споров вокруг него вплоть до настоящего времени» (см. прим. 7). В прошлом социальные психологи все сводили к инстинктам. Олпорт же настаивает, что в равной степени важна привычка, или аккультурация к текущим нравам, как ее можно назвать в социальном смысле, а Дьюи говорит нам, что «значение врожденных деятельности... зависит от взаимодействия со взрослой социальной средой... Нам нужно знать о социальных условиях, которые превратили исходные деятельности в определенные и значимые диспозиции, и только тогда мы сможем обсуждать психологический элемент в обществе». Чуть дальше, обсуждая попытку приписать явные несходства в культурах врожденным различиям, он замечает: «...их изначальные различия не идут ни в какое сравнение с масштабами того разнообразия, которое мы находим в обычаях и культуре. Поскольку такое разнообразие нельзя отнести на счет изначальной тождественности, то нужно описывать развитие врожденного импульса в терминах приобретенных привычек, а не развитие обычаев — в терминах ин-

стинктов» (см. прим. 8). Бартлет, обсуждая эту проблему, пишет, что «обычно мы пытаемся понять предшествующие условия реакции», в то время как «нужно объяснить модификации реакции, возникающие в данной социальной группе в течение рассматриваемого периода» (см. прим. 9).

Итак, именно тем, что толком не усвоена историческая точка зрения и отсутствует социальное видение, необходимое для преодоления собственной культуры, и объясняются многие системы социологического объяснения, которые, похоже, терпят крах сразу, как только предпринимается попытка сколько-нибудь широко их применить. Методологический шаг, который при изучении общества нужно сделать прежде всего, если мы вообще хотим хоть что-то адекватно понять, должен базироваться на историческом бэкграунде изучаемого общества. К исследованиям нашего общества это относится так же, как и к исследованиям примитивных групп, и даже еще больше, ведь общество, в котором мы сегодня живем, настолько сложное, что ставит в тупик исследователя, выдвигающего обобщения без предварительной попытки проверить их на действительных данных. Иными словами, пока у нас не будет, по меньшей мере, адекватного знания того, где мы находимся в любой данной социальной ситуации, главным инструментом социологии при исследовании имеющих у нас проблем неизбежно будет простая счетная машина.

По мере изучения примитивных обществ становится все очевиднее, что у действий, которые мы там видим, мало иных причин, нежели освященное временем «так делалось всегда». Иными словами, нечто делается потому, что ему довелось однажды быть сделанным, и этот метод закрепился в привычках людей и впечатался в их паттерн поведения. Правда, сами мы похваляемся тем, что у нас это не так, однако даже у нас стабильность культурных черт является фактом, опровержение которого требует не просто рационализации, и нет нужды приводить здесь примеры того, как мы продолжаем делать вещи, имеющие под собой мало разумных оснований, вещи, которые не могут быть сделаны более осмысленно, но иначе, по той простой причине, что мы привыкли видеть, что они делаются так, как мы их делаем.

Итак, предметом исследования социолога является культура. И ее механизмы мы начинаем понимать. Как бы ни были причудливы ее формы, возможны некоторые обобщения, которые, вероятно, можно отнести к любой изучаемой культуре. Один из наиболее впечатляющих фактов, касающихся функционирования культуры, который мы стали ясно сознавать в последнее время, — это то, насколько она переносима из одного общества в другое, т.е. факт ее диффузии. Раньше ученые этого не сознавали и настаивали на том, что сходства обусловлены развертыванием единойобразной эволюционной схемы и что каждая культура, останься она в одиночестве, проходила бы через одни и те же стадии развития, вытекающие из природы человеческой души. В последнее время, однако, мы видели, как маятник качнулся в другую сторону, и родившиеся при этом теории — теории Гребнера (см. прим. 10), считающего, что каждая черта может быть изобретена лишь однажды, какое бы она ни имела распространение, или теории школы Элиота Смита в Англии (см. прим. 11), в которых полагается, что «цивилизация» была изобретена раз и навсегда в Египте, а далее следует фантастическая идея, что это изобретение, распространившись по всему миру, ответственно даже за культуры Мексики и Центральной Америки, — показывают, насколько далеко он качнулся. Что кажется очевидным, так это то, что любая культура состоит из двух групп элементов: некоторой суммы (вероятно, меньшей)

элементов, родившихся внутри группы, и гораздо большей суммы элементов, которые были заимствованы. Эти культурные черты (так их можно назвать) можно распознать и исследовать, пытаясь подобрать ключ к механизмам диффузии или к тому, в какой степени происходит внутреннее развитие. Исследования этого феномена предпринимались, и мы постепенно приходим к пониманию крайней подвижности культурных черт и тех удивительных форм, которые может принимать сопоставимый феномен в разных обществах, в которые он в процессе диффузии проникает. Одно из таких исследований, посвященное распространению «духа-хранителя» в Северной Америке, было предпринято д-ром Бенедикт, и в ее выводе ясно представлена суть дела: «Глубиннейшим фактом человеческой природы, насколько мы можем судить, является то, что человек выстраивает свою культуру из разрозненных элементов, комбинируя и перекомбинируя их; и до тех пор, пока мы не откажемся от предрассудка, заставляющего нас считать, что результатом этого является функционально взаимосвязанный организм, мы не сможем увидеть нашу культурную жизнь объективно и контролировать ее проявления» (см. прим. 12).

Можно наблюдать и комбинирование единичных черт в группировки, которые можно назвать культурными комплексами (см. прим. 13). В то же время, наверное, самое важное наблюдение, в котором социолог обнаружит подспорье для изучения нынешнего общества, — это существование того, что называется культурным паттерном. Видимо, будет неправильно употреблять здесь единственное число; множественное будет точнее. В каждом обществе паттернов много, и какие из них будут отмечены исследователем, зависит в значительной мере от того аспекта, который он наблюдает. В основном наблюдаются два-три основных паттерна, внутри которых функционируют меньшие паттерны. Так, мы можем сказать, что основные паттерны нашего общества — механистические и материалистические (см. прим. 14). Но внутри них обнаруживается поразительно много меньших паттернов, управляющих нашей жизнью с непреклонностью, которая, как мы верим, будет признаваться все больше и больше по мере развертывания исследований общества, принимающих во внимание факт существования паттернов. Ведь однажды установившиеся паттерны, или, что то же самое, определенные способы делания, выделенные обществом в некотором смысле случайно, оказывают глубокое воздействие на поведение живущих в обществе людей.

Прочитируем еще раз статью д-ра Бенедикт: «Таким образом, между понятием духа-хранителя и другими чертами, с которыми оно ассоциируется, нет никакой наблюдаемой корреляции... на нашем континенте, и мы не нашли никакого их срастания, которое можно было бы считать иначе чем случайностью, т.е. историческим событием, случившимся в определенное время в определенном месте... В любом случае все дело в социальном паттернировании, в том, что именно будет выделено и стандартизировано культурным признанием» (см. прим. 15). Вещи, которые усваиваются нами из наблюдения того, как они делаются, становятся неотъемлемой частью наших натур. Привыкание становится настолько глубоким, что реакция на нарушение принятых способов делания становится весьма эмоциональной и столь быстрой, как если бы она была инстинктивной. Не нужно и добавлять, что эти способы делания не имеют никаких рациональных оснований; так, в области того, что называют «манерами», приводятся бесконечные примеры такого нашего поведения, которое ученого, прибывшего к нам из совершенно иной культуры, привело бы в

такое же замешательство, в какое многие обычаи примитивных народов приводят неподготовленных наблюдателей, по воле случая вошедших с ними в контакт. Каждый, кто возьмет на себя труд прочитать какие-то из отчетов ранних исследователей, сможет предельно ясно увидеть последствия забрасывания в контакт с паттернами поведения, совершенно отличными от тех, к которым наивный наблюдатель привык.

Для социолога применение понятия паттерна к проблемам, которыми он интересуется, имеет следствием то, что они открываются ему во многом так же, как исследователю физиологии открываются при вскрытии мышцы тела. Оно дает способность увидеть занимающую его проблему с ясностью прямо-таки удивительной при той отстраненности, которой он достигает. В конце концов, если изучаемый феномен видится как нечто историческое, как нечто более или менее независимое от связанных с ним феноменов — кроме как в той степени, в какой их связал обычай, — то очевидно, что результат будет именно таким. Ведь в том случае, когда изучение социальных событий проводится с некоторым предположением, неотделимым от всех установленных «систем» социологии, взгляд затуманивается, и пробиться сквозь этот туман могут лишь самые ясные из умов, да и то редко. Именно осознание этого сделало очень важным вклад Самнера, но, к сожалению, «народные обычаи» и «нравы» стали скорее расхожими словечками, нежели ключевыми понятиями дисциплины. Как уже говорилось, применение понятия паттерна делает возможным опознание более или менее обособленного феномена и изучение того, как он работает. Конечно, не следует исходить из того, что в том или ином данном обществе паттерны полностью обособлены, поскольку происходит постоянное их взаимодействие и влияние одного на другой. Тем не менее при использовании этого метода социальные данные переводятся в социологическую плоскость и, возможно, объективное их обсуждение.

Прежде чем перейти к фактическим данным, на которых базируется такое исследование, стоит привести пример того, как может использоваться понятие социального паттерна. Утверждалось, что культура — это расовый факт, и в то же время выдвигается утверждение, что причиной совместного жития групп людей со схожими расовыми особенностями служит то, что подобное тянется к подобному. Схожим образом объяснение этого феномена могут находить в столкновении противоположных сил между народами с разным составом. Возьмем в качестве примера негритянское сообщество Соединенных Штатов, а конкретнее — большое сообщество, расположенное в районе Гарлем в Нью-Йорке. Его можно взять хотя бы потому, что с ним автор лучше всего знаком и именно в нем проводил свои исследования. Здесь мы находим группу, насчитывающую 200 тысяч человек, и можно было бы ожидать, что если бы существовали врожденные различия или если бы негр в Америке реагировал на те особые проблемы, с которыми ему приходилось сталкиваться, противоборством и изоляцией, то в данном сообществе это ясно бы проявилось. Но давайте применим к этому случаю представление о существовании социальных паттернов, контролирующих действия любой группы, и посмотрим, в какой степени культура, находящаяся в Гарлеме, может быть этим объяснена. В основном сообществе нашей страны — т.е. в белом сообществе — есть много феноменов повседневной жизни, которые могут быть использованы в качестве проверочных критериев. Так, мы находим повсеместно большую и полную энтузиазма деловую организацию. Люди опре-

деленным образом одеваются, мужчины и женщины – по-разному. Есть студенческие и профессиональные группы, а также другие, которые обычно организуются определенными способами: в виде университетских братств и сестринств, социально-трудовых групп, церковных групп, профессиональных и деловых объединений и т.п. Выполняются определенные формы работы за определенные виды компенсации. Допускаются определенные типы досуга и развлечений. Если бы негр и в самом деле реагировал на врожденное отличие своего склада или лишь на потребности, возникающие из его проблем, тягой подобного к подобному или обострением конфликта, посредством которого он сохраняет себя в Соединенных Штатах, то мы нашли бы здесь нечто типичное. Где еще его можно было бы найти, как не здесь?

И что же в действительности мы находим? В Гарлеме мы находим типичное американское сообщество. Следует отметить, что для описания его используется термин «американское», а не «белое». Мы имеем общество, члены которого контролируются паттернами более широкого общества, в котором они живут. Одежда, которую носит нью-йоркский негр, совершенно такая же, как и одежда, которую носят его белые братья и сестры. Занятия, в которых он трудится, все таковы, что в них мы можем обнаружить и белых, будь то привратники или доктора философии. Здесь полно тайных обществ, и они не только паттернированы в соответствии с преобладающим типом, но часто даже имеют такие же названия и, насколько удалось установить, такие же ритуалы. В этом сообществе представлены все основные религиозные деноминации, в них используются стандартные ритуалы, и доходит до того, что негритянские отделения являются всего лишь частями более широких деноминационных групп, контролирующих работу церквей в пределах своих юрисдикций. Есть центры общения, связанные с наиболее процветающими церквями, и в них обнаруживаются те же классы и досуговые группы, что и у белых. Мы видим процветающую медицинскую ассоциацию, ассоциацию бизнесменов, и даже в тех группах, где расовый водораздел в профсоюзном движении не позволяет неграм входить в более широкие организации, есть негритянские профсоюзы. Виды досуга во многом одинаковы: кинофильмы так же популярны, как и среди белых; мода на радио и охватившая страну популярность кроссвордов не останавливаются на расовом водоразделе. У негритянских студентов мы находим братства и сестринства, обозначаемые греческими буквами, и они паттернированы в соответствии с доминирующим типом; нет недостатка и в объединениях выпускников для тех, кто завершил свои университетские карьеры. Негритянские газеты, хотя среди них и нет ежедневных (читаются в основном газеты, выпускаемые для более широкой аудитории), точь-в-точь такие же, как и печатаемые всюду в стране; более того, если пойти немного дальше и взять крупнейшую негритянскую газету, издающуюся в Чикаго, то читатель, не знающий, что это негритянская газета, никогда бы не заподозрил, что она негритянская, разве что по фотографиям.

Итак, есть ли в негритянском сообществе США типично негритянский культурный элемент, и если есть, то по какой причине? Он определенно не расовый, ибо культура предстает наблюдателю совершенно такой же, как и общая культура нашей страны. Едва ли не единственное отличие, которое можно наблюдать, – это отличие цвета кожи у людей, которые в нем живут. Тяги подобного к подобному явно не наблюдается; мы постоянно слышим о неграх, уезжающих из негритянских центров в любые доступные им места, и можно рискнуть высказать мнение, что причиной се-

грегации является скорее общий социальный паттерн необъединения – т.е. давление извне, – а не что-то добровольное. Африканская традиция, проявлений которой можно было бы ожидать при наличии отчетливо негритянских культурных наклонностей, свойственных членам группы от рождения, явно отсутствует. А если взять для примера спиричуэлс, то можно заметить, что эти мелодии – результат некоторой музыкальной способности, прошедшей через горнило совершенно особого американского религиозного паттерна той эпохи, в которую они были сочинены. Разумеется, проблема неодинаковых способностей расовых групп все еще остается проблемой, ожидающей своего решения, и здесь не место пытаться ее обсуждать. Однако можно заметить, что для социолога она более или менее несущественна в свете того, что было сказано выше. Ибо очевидно, что независимо от того, больше или меньше среди негров неграмотных на душу населения, чем среди белых, и больше или меньше среди них гениев, остается в силе тот факт, что подавляющим большинством негритянского населения адаптация к господствующим паттернам страны достигнута и задача обеспечения себя всем необходимым решена. Таким образом, к проблеме можно подойти на социологических и экономических основаниях, и, в целом, негритянскую группу в нашей стране, если не брать ее специфические проблемы, можно рассматривать так же, как и остальную часть более широкой социальной единицы, частью которой она является.

Данные, приводимые ниже, были собраны в процессе исследования проблемы изменчивости при расовом скрещивании (см. прим. 16). Поскольку это исследование ни в каком смысле не является социологическим, пожалуй, стоит сказать несколько слов о том, как получилось собрать для него данные. В ходе исследования, во время которого около 1400 цветных школьников были измерены по разным антропометрическим параметрам, было сочтено полезным спросить каждого школьника о роде занятий его отца, так чтобы в случае успеха исследования можно было выяснить, в какой степени разный экономический статус может влиять на рост. Точно так же каждого ребенка спрашивали, остается ли его мать дома или ходит работу, в расчете на то, что удастся провести измерения у всех членов семей многих из этих детей, тем самым проложив путь исследованиям наследственности. После проведения измерений у нескольких сотен детей было замечено, что метод задавания вопроса о работе матери вне дома принял две формы, хотя сложилось это совершенно неосознанно. В зависимости от рода занятий отца вопрос был либо таким: «Какой работой занята Ваша мать?», – либо таким: «Работает ли Ваша мать?» Полное осознание значимости этого пришло только позже, когда стало ясно, что можно с высокой вероятностью предсказать, работает мать или нет, исходя из рода занятий отца.

Теперь спросим себя, что этот факт значит. В нашей стране есть целая школа мысли, обычно группирующаяся вокруг тех, кто придерживается принципов феминистского движения; она выражает мнение, что в прошлом поколении в нашей культуре произошло огромное изменение в численности работающих женщин. И нельзя отрицать, что в некоторой степени это так. Занятия и профессии, ранее для женщин закрытые, буквально распахнулись перед ними, и сегодня работающих женщин, несомненно, больше, чем когда бы то ни было. Но в то же время мы можем принять во внимание паттерн, относящийся к женщинам, который, пожалуй, каждый сможет установить, хотя бы немного поразмыслив. Описать его можно примерно так. Выйдя замуж, женщины предположительно следят за домом и склонны заводить

детей. Мужчина добывает хлеб насущный, а женщина печется о физическом комфорте своей семьи, пользуясь тем, что добытчик дает в ее распоряжение. Женщин, которые, выйдя замуж, работают, считают своего рода аномалией, и хорошо известный критерий «удачного», с точки зрения молодой женщины, брака состоит в том, может ли мужчина, становящийся ее мужем, как говорится, ее «обеспечить». В том, что это адекватное утверждение о действительном положении дел, может удостоверить каждый, если хотя бы коротко поговорит чуть ли не с любым молодым человеком любого пола, и чтобы в этом убедить, не нужно никаких примеров (см. прим. 17). На это нам возразят, что сегодня работающих женщин, вероятно, больше, чем когда-либо раньше. И мы не будем это отрицать, ибо не может быть сомнений в том, что паттерн в значительной степени изменился и теперь не считается зазорным, чтобы незамужняя женщина сама зарабатывала себе на жизнь. Кроме того — и именно в этом аспекте значимы данные, приводимые ниже, — мы обнаруживаем, что преобладающий паттерн разрушается только в двух группах: в низших экономических слоях и в высших интеллектуальных классах. Последняя группа невелика и обнаруживается только в наших крупных городах; в настоящей статье она нас не интересует. Проявление действия общего паттерна ожидалось увидеть у родителей тех детей, которых автор исследовал, а все они принадлежали к группе, расположенной близко к черте бедности.

Если верна теория, выдвинутая в этой статье — а состоит она в том, что люди в обществе реагируют на паттерны поведения этого общества и что их поведение можно объяснить, опираясь на изучение культурных элементов, сложившихся в паттерны, и способов, которыми они были скомбинированы обществом в его историческом опыте, — то мы должны ожидать обнаружения в этой группе того, что у отцов, вовлеченных в более прибыльные занятия, в занятия, в которых работа надежнее, или в занятия, нагруженные большим социальным престижем, будет меньше работающих жен, чем у мужчин в занятиях, расположенных ниже на экономической и социальной лестнице. Поэтому было решено свести полученные данные в таблицу и посмотреть, какие могут быть получены результаты. Здесь представлены 622 семьи; есть много случаев, когда оба родителя умерли либо мать живет в Нью-Йорке, а отец работает где-то в другом месте, или наоборот, но эти случаи не были включены в таблицу. Кроме того, среди опрошенных было много братьев и сестер, и, прежде чем браться за табуляцию, мы свели данные воедино, дабы обезопасить себя от их удвоения. Некоторые классификации наверняка будут сочтены неясными. Это результат того, что у детей информацию вытягивали; вместе с тем мы считали, что лучше всего было не задавать наводящих вопросов, а довольствоваться тем, что ребенок сможет сказать сам. В тех немногочисленных случаях, когда утверждения двух детей одних и тех же родителей в чем-то друг другу противоречили, полученный материал также при табулировании не использовался.

Теперь давайте рассмотрим результаты табуляции, разбив данные на пять обобщенных групп. Прежде всего есть занятия, при которых не было найдено ни одной жены, работавшей вне дома; иначе говоря, это группа, от которой можно ожидать полного соответствия преобладающему паттерну, и интересно взглянуть, подтверждается ли допущение, что здесь, в общем и целом, представлены занятия наиболее устойчивые, наиболее оплачиваемые и обладающие наиболее высоким социальным престижем.

Таблица I. Занятия мужей, при которых жены не работают

Актер	1	Мойщик шпон в типографии	2
Бизнесмен	2	Оператор коммутаторной связи	1
Билетер	1	Печатник	5
Бондарь	1	Печатник (мастер)	1
Водитель грузовика	3	Портовый грузчик	1
Водопроводчик	3	Поставщик	3
Врач	1	Посыльный (банки, юристы)	6
Гладильщик	1	Продавец	2
Дантист	1	Работник отеля	1
Дворник	1	Работник склада лесоматериалов	1
Изготовитель толя	1	Работник химчистки	1
Инспектор носильщиков на пароме	1	Рабочий завода резиновых изделий	1
Клерк в отделе образования	1	Рабочий скотобойни	4
Кондитер	10	Рабочий, занятый на подземных работах	6
Контролер качества сигар	1	Развозчик молока	1
Лепщик	1	Священник	1
Литейщик	1	Слесарь	1
Маслодел (льняное масло)	2	Сотрудник похоронного бюро	1
Матрос	3	Стенографист	1
Медеплавильщик	1	Строительный рабочий	1
Менеджер танцевального зала	1	Судовой конопатчик	1
Метрдотель	1	Торговец вразнос	3
Мойщик автомобилей	3	Фотограф	1
Мойщик железнодорожных вагонов	3	Ювелир	2
Мойщик окон (владелец компании)	1	Юрист	2

Мы видим, что именно так дело и обстоит. Конечно, цифры, которые здесь приводятся, не так велики, как хотелось бы, но смысл их ясен и станет еще яснее в сопоставлении со следующими таблицами. Итак, хотя надежные профессии и позиции представлены негусто, они, как и следовало ожидать, попадают в этот класс: менеджеры, руководители, врач и юрист, посыльные (постоянная позиция, требующая доверия), такие высококвалифицированные занятия, как печатник, водопроводчик, кондитер, стенографист, рабочие, занятые на подземных работах (опасная, но высокодоходная профессия), и другие. Перейдем теперь к классу занятий, при которых число неработающих жен больше, чем число работающих. Самые поразительные цифры здесь мы видим у плотников, поваров, инженеров, вагонных носильщиков, вокзальных носильщиков (работающих на станциях и носящих красные шапочки), водителей-дальнобойщиков, портных, официантов и сторожей. Эти занятия относятся к более высокооплачиваемым, и то, что мы в их случае находим, вписывается в наши ожидания, если и в самом деле вблизи черты бедности работают именно те женщины, которые вынуждены это делать. Некоторые интересные цифры заслуживают особого комментария. Обратим внимание на то, что в случае лифтеров число работающих жен примерно равно числу неработающих. Этот случай был особенно удивительным, и, когда мужчина занимает такого рода позицию, предсказание сделать затруднительно. Здесь многое зависит от того, какой лифт он обслуживает и где находится здание, в котором он работает. Так, у оператора высокоскоростного лифта в центре города или лифта в дорогом многоквартирном доме жена работает нечасто, в то время как у мужчин, обслуживающих лифты в менее богатых районах города, жены редко остаются домохозяйками. То же мы видим и в случае мусорщиков и

КЛАССИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Таблица II. Занятия мужей, при которых работающих жен меньше, чем неработающих

	Работают	Не работают		Работают	Не работают
Бакалейщик	1	2	Музыкант	1	5
Вагонный носильщик	6	13	Мусорщик	11	12
Водитель-дальнобойщик	2	7	Официант	4	14
Вокзальный носильщик	4	10	Плотник	8	14
Доставщик мебели	1	3	Повар (или шеф-повар)	6	13
Инженер	2	5	Портной	3	7
Истопник	5	6	Почтовый служащий	3	5
Каменщик	3	4	Работник прачечной	2	4
Клерк в магазине	1	1	Сапожник	1	3
Красильщик автомобилей	1	1	Сторож	1	5
Крутильщик сигар	1	1	Судовой агент	2	6
Лифтер	17	23	Угольщик	1	5
Месильщик цементного раствора	2	4	Электрик	1	2
Механик	3	5			

Таблица III. Занятия, при которых число работающих и неработающих жен одинаковое

	Работают	Не работают		Работают	Не работают
Владелец агентства найма	1	1	Помощник водителя грузовика	2	2
Железнодорожный рабочий	1	1	Разносчик писем	1	1
Изготовитель бутылок	1	1	Укладчик асфальта	1	1
Изготовитель леденцов	1	1	Фармацевт	1	1
Клерк (почтовая рассылка)	1	1	Художник	4	4
Клерк (почтовый офис)	3	3	Шофер	10	10
Лудильщик	1	1	Штукатур	2	2
Парикмахер	4	4			

истопников; «истопниками» часто называют людей, следящих за отопительными котлами в крупных зданиях, а также убирающих мусор. Здесь многое зависит от местонахождения здания, в котором они работают, его размера и класса людей, которые в нем живут или трудятся.

В таблице III показаны профессиональные группы, в случае которых число работающих жен равно числу неработающих. Наиболее бросаются в глаза данные по шоферам, но так как этот термин включает всех водителей — от состоятельных водителей, обслуживающих какие-нибудь богатые семьи, до частных извозчиков, работающих на кого-то за мизерную оплату, — то в этих цифрах нет ничего удивительного. С другой стороны, есть художники, почтовые клерки и парикмахеры; можно ожидать, что их жены работать не будут.

Некоторые цифры в таблице IV, содержащей класс занятий мужей, при которых жены чаще работают, чем не работают, мы опять же считаем весьма интересными. Наиболее интересна цифра, относящаяся к портье. Напомним, что в таблице II у вагонных носильщиков, имеющих постоянные позиции, и притом более доходные, жены чаще сидят дома, чем выходят на работу. Но, когда мы переходим к мужчинам с работой, включающей уборку, которая, разумеется, оплачивается гораздо хуже прочего, мы находим резкий сдвиг в противоположную сторону. Это же верно в отношении чернорабочих, где данные достаточно богаты, чтобы не заслуживать внимания.

Таблица IV. Занятия мужей, при которых работающих жен больше, чем неработающих

	Работают	Не работают		Работают	Не работают
Портовый рабочий	17	15	Фабричный рабочий	5	3
Привратник	2	1	Чернорабочий	17	7
Работник гаража	4	2	Портье	30	17
Упаковщик	3	1			

Таблица V. Занятия мужей, при которых все жены работают

Автомеханик	4	Мясник	4
Алюминщик	2	Переносчик фортепьяно	1
Белильщик	2	Профессиональный боксер	1
Боцман	1	Работник бильярдной	3
Бухгалтер	1	Работник кабаре	1
Давильщик	2	Работник, доставляющий покупки на дом	2
Домработник	3	Разнорабочий	3
Изготовитель ювелирных украшений	1	Риелтор	3
Каменотес	2	Рыбак	1
Кладоискатель (в закусочной)	1	Скорняк	1
Коксовщик	1	Стивидор	2
Корабельный стюард	3	Шляпник	1
Кочегар	1		

Интересен случай портовых рабочих. Поначалу он нас озадачил, поскольку позиция портового рабочего обычно считается низкооплачиваемой, и мужчины, работающие в ней, попадают в категорию непостоянных, временных рабочих. В результате исследования, однако, выяснилось, что решающее значение имеет фактор возраста: чем моложе и сильнее мужчина, тем чаще ему предлагают работу на прибывающих кораблях и тем больше он зарабатывает денег. Поскольку у нас нет способов узнать возраст мужчин, представленных в таблице, трудно сказать, проливает ли это свет на близость цифр в двух колонках, однако это заслуживает серьезного внимания.

Когда мы переходим к последней группе, мы обнаруживаем, что более или менее прилично оплачиваемые занятия слабо в ней представлены. В списке, конечно, есть и «бухгалтер», но это всего один случай, и его жена, следует заметить, работает на дому портнихой. В случае риелторов опять же одна жена – школьная учительница, а другая шьет одежду на дому. Ярлык «алюминщик» не вполне ясен, но в этом случае, как и в других, где речь шла о «рабочих», информация указывала лишь на то, что отец ребенка, давшего эти сведения, работал на предприятии указанного типа, и было неизвестно, насколько квалифицированной или неквалифицированной была на самом деле его работа. Меж тем здесь хорошо представлены неквалифицированные занятия, такие, как работник бильярдной, работник, доставляющий покупки на дом, белильщик, домработник и т.п. На этом конце спектра таблица IV более показательна, чем таблица V, хотя бы потому, что в ней представлено больше случаев.

Вернемся к нашему допущению о наличии в нашей культуре общего паттерна, относящегося к статусу мужей и жен (и можно заметить, что число детей в семье явно никак не сказывается на этом группировании), а именно: мужья зарабатывают на жизнь, а жены сидят дома. Здесь мы находим то, чего и следовало ожидать: в этой группе негритянских семей, близких к черте бедности, жены мужчин, занятия которых лучше оплачиваются и являются более надежными, не работают вне дома, а это

делают другие. И опять же, поскольку можно смело допустить, что это паттерн всего нашего общества, здесь мы находим также и данные, показывающие, что негры реагируют на паттерн более широкого общества, частью которого они являются. В высшей мере желательно, чтобы исследования, подобные описанному, проводились и далее на более обширных данных и в самых разных группах. Ценность таких исследований для рассмотрения проблемы семьи, того, в какой мере влияет на нее то, работают женщины или нет, и, возможно, даже того, как работает паттерн, очевидна.

От использования понятия культурного паттерна как социологического метода можно, следовательно, ожидать плодотворных результатов. Каковы именно паттерны нашего общества? Здесь огромное поле для исследований. Как они работают? В какой степени они воздействуют на наши жизни? Как должна в свете нашего знания о них формироваться политика? Это вопросы, к которым социолог проявляет живейший интерес, и лучшее их понимание будет для него наградой за исследования этого типа. Так, например, очень важна проблема американизации. Меж тем достаточно взять большинство учебников или других работ, которые ей посвящены, чтобы стало ясно, насколько затуманенным может стать взгляд большинства исследователей, ею интересующихся. Это, по сути своей и, пожалуй, гораздо очевиднее, чем какие-либо другие проблемы, проблема процесса аккультурации к паттерну социального поведения. Мы делаем определенные вещи определенными способами; в странах, из которых прибывают иммигранты, их делают иначе. Как можно яснее всего представить иммигранту это изменение? Через речи по случаю Дня независимости и принудительную демонстрацию флага по официальным праздникам? Сомнительно, чтобы это приносило наилучшие результаты. Тем не менее мы почти совсем не знаем процесса аккультурации, того, сколь быстрого его протекания можно ожидать, и того, какие он несет результаты для индивида и того общества, в котором он происходит. Именно путем исследований, проводимых в опоре на знание социальных паттернов разных групп нашего общества и более широкого общества, частью которого они являются, мы познаем то, что мы должны познать. Проблемы того или иного рода тайных организаций, развития причуд и мод, предрассудков и благосклонных установок, которыми мы обладаем, — все может быть изучено этим методом. Подобные исследования необходимы, ибо социологи должны понимать, что только объективное рассмотрение фактов, какими они входят из кропотливого исследования в определение проблем, и осознание работы культуры через ее исторический бэкграунд и те формы и паттерны, которые она принимает, сделают возможным более полное понимание социальных процессов и сил.

Примечание

1. Библиографический обзор позиции этих людей, показывающий, где встречаются ее формулировки, содержится в статье: *Herskovits M.J., Willey M.M. The Cultural Approach to Sociology // American Journal of Sociology. 1923. Vol. 29. N 2. P. 188-199.*
2. *Boas F. The Mind of Primitive Man. N.Y., 1911. P. 29.*
3. *Wissler C. Man and Culture. N.Y., 1923. P. 4.*
4. *Boas F. The Methods of Ethnology // American Anthropologist. 1920. Vol. 22. Issue 4. P. 317.*
5. *Ogburn W.F. The Historical Method in the Analysis of Social Phenomena // Publications of the American Sociological Society (1921). Vol. 16. Chicago: The University of Chicago Press, 1922. P. 83.*
6. *Willey M.M. in: Merriam C.E., Barnes H.E. (eds.). A History of Political Theories, Recent Times: Essays on Contemporary Developments in Political Theory. N.Y., 1924. P. 47.*
7. *Allport F.H. Social Psychology. Boston: Houghton Mifflin Co., 1924. P. 416.*
8. *Dewey J. Human Nature and Conduct: An Introduction to Social Psychology. N.Y., 1922. P. 90-91.*

9. Bartlett F.C. Psychology and Primitive Cultures. Cambridge University Press, 1923. 1923. P. 16-17.
10. Наиболее полно позиция Гребнера представлена в его книге: *Graebner F. Methode der Ethnologie*. Heidelberg: Winter, 1911, – и в его же статье: *Die Melanesische Bogenkultur und ihre Verwandten // Anthropos*. 1909. Bd. IV. S. 726-780, 998-1032.
11. Наиболее полно позиция Смита представлена в его статье «Антропология» в: *Encyclopaedia Britannica*. 12th ed. 1922. Vol. XXX. P. 147-153, – и в книге: *Perry W.J. The Children of the Sun: A Study in the Early History of Civilization*. N.Y., 1923.
12. *Benedict R. The Concept of the Guardian Spirit in North America // Memoirs of the American Anthropological Association*. N 29. N.Y., 1923. P. 84-85. Этой позиции придерживается также Лоуи: *Lowie R. Primitive Religion*. N.Y., 1924. P. 51-53.
13. В случае индейцев Великих Равнин это наблюдалось Уисслером: *Wissler C. The Influence of the Horse in the Development of Plains Culture // American Anthropologist*. 1914. Vol. 16. Issue 1. P. 1-25. В Африке это наблюдалось автором настоящей статьи: *Herskovits M.J. The Cattle Complex in East Africa (MSS)*. Комплекс охотничьих угодий у северных алгонкинов был прослежен в статье: *Speck F.G. The Family Hunting Band as the Basis of Algonkian Social Organization // American Anthropologist*. 1915. Vol. 17. Issue 2. P. 289-305, – а также в других статьях.
14. Это признает Торстейн Веблен в нескольких своих исследованиях, особенно в: *Veblen T. The Instincts of Workmanship and the State of the Industrial Arts*. N.Y., 1914; *Веблен Т. Теория праздного класса*. М., 2011.
15. *Benedict R. Op. cit.* P. 84.
16. Исследование проводилось при поддержке Национального исследовательского совета по программе «Биологические науки».
17. Это замечательно продемонстрировано д-ром Прюэтт в ее работе «Женщина и досуг», где из 388 молодых женщин 149 в своем выборе предпочли прочим возможностям возможность быть женой и матерью. Исследование мечтаний этих девушек дает схожие результаты.

Пер. с англ. В.Г. Николаева